

801/284
Д 224

801-17
1714

Н. П. Павловъ-Сильванскій.

МѢСТНАЯ ГРАМОТА

XIV вѣка.

ИЗЪ БУМАГЪ КАБИНЕТЪ-МИНИСТРА

Артемія Волынскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

Н. П. Павловъ-Сильванскій.

МѢСТНАЯ ГРАМОТА

XIV вѣка.

ИЗЪ БУМАГЪ КАБИНЕТЪ-МИНИСТРА

Артемія Волынскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *В. Дружининъ.*

Изъ „Записокъ Русскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“. Томъ 2.

2011119947

Мѣстная грамота XIV вѣка.

Изъ бумагъ кабинетъ-министра Артемія Волинскаго.

Въ продолжительномъ, четырехъ-вѣковомъ удѣльномъ періодѣ нашей исторіи много неяснаго, манящаго своею загадочностью и разгадываемаго лишь при путеводномъ свѣтѣ аналогій. Время, уничтожившее безъ возврата громадную часть памятниковъ этой эпохи, будто посмѣялось надъ историками, сохранивъ имъ извѣстія въ прихотливо случайномъ выборѣ. Лѣтописей сохранилось достаточно; но лѣтописцы монахи писали больше всего о войнахъ и мелкихъ княжескихъ междоусобіяхъ, о рожденіи, смерти и свадьбахъ великихъ князей, о подвигахъ духовныхъ владыкъ, о сооруженіи церквей, и въ ихъ краткихъ разсказахъ извѣстія о другихъ сторонахъ жизни, о внутреннихъ основаніяхъ событій приходится собирать по крупицамъ, вчитываясь въ каждое слово. Столь же односторонни и грамоты удѣльнаго времени: изучая ихъ, нельзя забывать ни на минуту правила, часто забываемаго, что отъ факта умолчанія источниковъ нельзя дѣлать заключенія къ факту небытія. Сохранилось много жалованныхъ грамотъ, много договорныхъ, купчихъ и другихъ. Но нѣкоторые типы грамотъ, касающіяся важныхъ основаній свободнаго удѣльнаго порядка, или извѣстны по одному-двумъ образцамъ, или остаются для насъ вовсе неизвѣстными.

Мѣстная или мѣстническая грамота XIV вѣка, сохранившаяся случайно въ позднемъ спискѣ времени Петра Великаго, въ дѣлахъ кабинетъ-министра А. П. Волинскаго, доселѣ была единственнымъ образцомъ грамотъ этого типа, и лишь два года тому назадъ въ бумагахъ купца Мазурина, завѣщанныхъ московскому архиву министерства иностранныхъ дѣлъ, найдена была вторая мѣстная грамота, также въ очень позднемъ и несправномъ спискѣ.

Эта вторая, Мазуринская грамота пока еще не издана и извѣстна мнѣ лишь по краткому изложенію В. О. Ключевскаго. Первая же, по списку Волинскаго, была напечатана Соловьевымъ въ приложенияхъ къ

XX тому «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Я печатаю здѣсь списокъ этой грамоты пѣликомъ, съ приписками, пропущенными Соловьевымъ, и воспроизвожу его цинкографически, потому что онъ несомнѣнно заслуживаетъ внимательнаго изученія.

Въ грамотѣ этой есть нѣкоторыя странности. Сохранилась она въ позднемъ спискѣ, и очень многое въ ней не подтверждается другими источниками; но, съ другой стороны, въ ней нѣтъ и ни одного рѣзкаго противорѣчія съ иными источниками, ни одной явной несообразности, и нѣкоторыя ея данныя косвенно все таки подтверждаются лѣтописями. И по языку, и по формѣ она близко подходит къ грамотамъ XIV—XV вѣковъ. Такъ что, если это поддѣлка, то очень тонкая и искусная, основанная на неизвѣстныхъ намъ грамотахъ ранняго времени. Странности грамоты, данныя ея, оказывающіяся для насъ новыми, объясняются болѣею частью тѣмъ, что знанія наши о событіяхъ и порядкахъ удѣльной эпохи очень ограничены, влѣдствіе крайней скудости источниковъ.

Великій князь Дмитрій Константиновичъ, давшій мѣстную грамоту, довольно хорошо извѣстенъ по лѣтописямъ. Онъ былъ современникомъ Дмитрія Донского, и его тестемъ, по дочери Евдокии; умеръ онъ въ 1383 г., 5-го июля, 61 года отъ роду; княжилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ съ 1365 г. до своей смерти. 18 лѣтъ его княженія прошли въ постоянныхъ тревогахъ. Два раза ушкуйники изъ Новгорода грабили Нижегородскія области (1366, 1375); падала мордва, болгары и пѣскольжъ разъ татары (въ 1367, 1374, 1375, 1377, 1378 гг.). При нападеніи въ 1377 г. ордынскаго царевича Араши русскіе были разбиты на р. Пьянѣ, потому что не ожидали врага, и «медь піаху до піана»; татары взяли и сожгли Нижній Новгородъ; и вновь падали на княжество въ слѣдующемъ году и снова жгли городъ¹⁾. Одинъ только походъ на болгаръ въ 1376 г. увѣчался блестящимъ успѣхомъ: русскіе полки осадили Казань и болгарскіе князья откупились деньгами.—Съ именемъ нижегородскаго вел. князя Дмитрія связанъ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ древней русской исторіографіи—извѣстный Лаврентьевскій епископъ лѣтописецъ; «многорушій рабъ Божій Лаврентей мнихъ» говоритъ въ послѣдовіи, что онъ писалъ свой лѣтописецъ «для великаго князя Дмитрія Константиновича» (1377 г.).

Нижегородское княжество было соединено, съ XIII еще вѣка, съ старымъ княжествомъ Суздальскимъ. Дмитрій Константиновичъ правилъ

¹⁾ А. Экземлярскій, Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси, т. II, стр. 408—416.

Суздадемъ при жизни своего старшаго брата (съ 1356 г.) и впоследствии, будучи нижегородскимъ великимъ княземъ, также владѣлъ Суздальскимъ княжествомъ, отдавъ его въ удѣлъ старшему своему сыну Семену. Лѣтопись Никоновская, въ виду этого, постоянно называетъ его великимъ княземъ Суздальскимъ и Новагорода Нижняго; лѣтопись Воскресенская, по имени старѣйшаго изъ принадлежавшихъ ему городовъ, называетъ его даже только великимъ княземъ Суздальскимъ¹⁾. Между тѣмъ, наша мѣстная грамота, въ противность лѣтописямъ, вовсе опускаетъ въ титулѣ Дмитрія Константиновича городъ Суздаль: «князь великій Дмитрій Константиновичъ Нижняго Новаграда и городецкой и курмышской». И тутъ въ грамотѣ, быть можетъ, не ошибка, а указаніе на неизвѣстный намъ фактъ, что въ первые годы нижегородскаго княженія Дмитрія Константиновича Суздаль ему не принадлежалъ, а находился, какъ можно думать, подъ властью быстро усиливавшагося московскаго великаго князя Дмитрія Донского. Подтверженіе этому находимъ въ событіяхъ, предшествовавшихъ вокняженію Дмитрія Константиновича въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1365 г. Въ 1363 г. онъ получилъ изъ орды отъ хана Амурата ярлыкъ на великое княженіе Владимірское и занялъ стольный городъ Владиміръ. Но Дмитрій Донской немедленно пошелъ на него ратью, согналъ съ Володимера и осадилъ гор. Суздаль, куда онъ скрылся. Тогда Дмитрій Константиновичъ заключилъ съ нимъ миръ, но, повидимому, отдалъ Суздаль побѣдителю; по крайней мѣрѣ, лѣтопись говоритъ, что онъ, «вземъ миръ», «поиде изъ Суздаля въ Нижній Новгородъ къ великому князю Андрею Константиновичу, къ старѣйшему брату своему» (Никон. XI, 2). Затѣмъ, въ 1365 г. онъ получилъ Нижній Новгородъ лишь при помощи московскаго войска, которое помогло ему отнять этотъ городъ отъ его младшаго брата Бориса. Московскій князь за эту военную помощь, вѣроятно, сохранилъ за собою Суздаль. Рассказывая о вокняженіи Дмитрія Константиновича, лѣтопись говоритъ, что онъ «сяде» «на великомъ княженіи въ Нижнемъ Новгородѣ, а брату своему меньшому князю Борису Константиновичу даде Городецъ»—и не упоминаетъ о Суздали.

На отдѣленіе Суздальскаго княжества отъ Нижегородскаго въ это время указываетъ и титулъ епископа въ нашей грамотѣ: «по благословенію владыки Серапіона нижегородскаго и городецкаго и сарскаго и курмышскаго». Въ прежнее и послѣдующее время епископы нижегород-

¹⁾ Никоновская: П. С. Р. Л., т. XI, с. 12 (1370), с. 83 (1383). Иногда также и «городецкимъ» с. 5 (1365).—Воскресенская: П. С. Р. Л., т. VIII с. 42 (1382), с. 43 (1383).—Братъ его «великій князь Андрей Константиновичъ, Суздальскій и Новаграда Нижняго и городецкій» (Никон., XI, 4).

ские, также как великие князья, были одновременно и суздальскими. И относительно этого раздѣленія митрополій, суздальской и нижегородской, лѣтопись косвенно подтверждаетъ нашу грамоту, сообщая, что въ 1365 г. «Алексѣй митрополитъ отня епископію новгородскую и городецкую отъ владыки суздальскаго Алексѣя»¹⁾.

Имя епископа Серапіона XIV вѣка неизвѣстно по другимъ источникамъ²⁾. Тутъ опять мы встрѣчаемъ въ нашей грамотѣ новое извѣстіе, которое не подтверждается лѣтописями, но и не противорѣчитъ имъ. По лѣтописямъ мы знаемъ: 1) что въ 1365 г. Нижній Новгородъ былъ отдѣленъ отъ суздальской епархіи и 2) что черезъ девять лѣтъ, посвященный въ епископы въ 1374 г., основатель нижегородскаго Печерскаго монастыря Діонисій соединилъ епархіи суздальскую и нижегородскую³⁾. Девятилѣтній же промежутокъ между этими точными извѣстіями 1365—1374 г.г. представляется темнымъ періодомъ въ исторіи суздальско-нижегородской іерархіи⁴⁾. Наша грамота восполняетъ недостатокъ извѣстій отъ этого періода, показывая, что около 1368 г. нижегородская епархія была отдѣлена отъ суздальской, и нижегородскую кафедру занималъ владыка Серапіонъ.

Также какъ епископъ Серапіонъ, неизвѣстенъ по другимъ источникамъ архимандритъ нижегородскаго Печерскаго монастыря Іона. «Мы ожидали бы—говоритъ В. О. Ключевскій—Діонисія, основателя и перваго архимандрита этой обители». Грамота наша, нигдѣ не противорѣча прямо другимъ источникамъ, часто обманываетъ ожиданія.

¹⁾ Никоновская лѣтоп., II. С. Р. Л., т. XI, с. 5. Тоже въ другихъ лѣтописяхъ, см. О. Діевъ, Суздальская іерархія, съ предисловіемъ А. А. Титова: Чтенія въ Общ. любит. дух. просвѣщенія, за 1891 г., и отд., с. 30. О. Діевъ усильно доказываетъ, что это извѣстіе относится къ Новгороду Нижнему, а не къ Новгороду Великому (вопреки мнѣнію Карамзина; Исторія, т. V, прим. 132).—Приношу благодарность А. А. Титову за любезныя указанія по исторіи суздальской іерархіи.

²⁾ Извѣстенъ другой епископъ владимірскій, суздальскій и новгородскій Серапіонъ, жившій столѣтіемъ раньше и умершій въ 1275 г., авторъ поучительныхъ словъ: Сузд. іерархія, с. 24—25.

³⁾ «Въ лѣто 6882 (1374) пресвященный Алексѣй митрополитъ кіевскій и всея Руси постави въ Суздаль епископа Діонисія, архимандрита Печерскаго». (Никон., т. XI, с. 20. Тоже въ другихъ лѣтоп.). Но монахъ Лаврентій въ 1377 г. называетъ Діонисія «епископомъ суздальскимъ и новгородскимъ и городскимъ» (Лавр. лѣт., с. 463). И изъ Никоновской лѣтописи видно, что въ 1375 г. епископъ Діонисій находился въ Нижнемъ Новгородѣ (См. также Суздальская іерархія, с. 36—37).

⁴⁾ Въ Суздаль въ эти годы, по неопредѣленнымъ извѣстіямъ, былъ епископомъ Іоаннъ, около 1366 г., и затѣмъ Даниилъ II.—О. Діевъ предполагаетъ, что, отнявъ Нижній Новгородъ и Городецъ отъ суздальской епархіи, митрополитъ Алексѣй въ 1365 г. принесалъ эти города къ своей митрополичьей области: Сузд. іерархія, с. 30, 34—35.

Наибольшія недоумѣнія вызываютъ въ ней имена князей, неизвѣстныхъ по родословнымъ, и въ особенности отношенія ихъ къ великому князю нижегородскому.

В. О. Ключевскій говоритъ объ этихъ князьяхъ слѣдующее: «Любопытная черта нижегородскаго боярскаго совѣта, описываемаго въ грамотѣ,—численное преобладаніе князей. Лѣтописецъ, рассказавъ, какъ московскій великій князь Димитрій въ самомъ началѣ своего княженія взялъ волю надъ княземъ ростовскимъ, а галицкаго и стародубскаго согналъ съ ихъ княженій, прибавляетъ, что тогда «все князи» отѣхали въ Нижній, «скорбяще о княженіяхъ своихъ». Сличая княжескія имена въ грамотѣ съ родословной стародубскихъ князей, можно догадываться, что нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ совѣтѣ нижегородскаго великаго князя» (Б. Дума, с. 540). Я, однако, не нашелъ въ родословныхъ ни одного изъ князей, упомянутыхъ въ грамотѣ, и думаю, что не нашелъ не оттого, что нехорошо искалъ.

Князь Оедоръ Андреевичъ Польскій нашей грамоты вполнѣ подходит и по имени, и по времени жизни къ стародубскому князю Оедору Андреевичу. Этотъ стародубскій князь былъ вторымъ сыномъ князя Андрея Оедоровича, который княжилъ въ Стародубѣ послѣ своего брата Ивана, (въ 1363 г. изгнаннаго изъ этого княженія Димитріемъ Донскимъ); онъ въ 1375 г. участвовалъ въ походѣ московскаго князя на Тверь и былъ родоначальникомъ многочисленныхъ вѣтвей князей Стародубскихъ: князей Пожарскихъ, Ряполовскихъ, Ромодановскихъ, Палецкихъ и проч.¹⁾ Однако, наша грамота называетъ Оедора Андреевича княземъ Польскимъ, по имени г. Юрьева-Польскаго или волости Польской (отъ Поле), лежавшей между Суздалемъ и Юрьевымъ-Польскимъ, и тянувшей къ владѣніямъ князей суздальскихъ, а не стародубскихъ. Въ Стародубскомъ княжествѣ была волость Ополье на берегахъ рр. Клязьмы и Колокши, подъ г. Владиміромъ²⁾. Но Ополье, конечно, не то же, что Поле, и

¹⁾ Родословная книга князей и дворянъ (бархатная книга), М. 1787, ч. II, с. 58—59. Временникъ, кн. X.—Никон. лѣтоп., XI, (1363) с. 2, (1375) с. 22.—А. Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья, т. II, с. 181—184.

²⁾ Мѣстоположеніе Польской волости опредѣляется по Писцовой книгѣ Польскаго стана, который лежалъ по рѣкамъ Тузь и Ирмису, правымъ притокамъ р. Нерли: Писцов. книги, I, с. 857—858. П. позднѣе въ XV вѣкѣ волость эта тянула къ Суздалью (ср. село Шухобалово въ договорной грамотѣ 1446 г. № 62, и тоже село въ Польскомъ станѣ по писцовой книгѣ).—Положеніе Ополья также точно опредѣляется писцовой книгой, между Клязьмой и двумя ея лѣвыми притоками: Колокша и Рпень: см. Н. Н. Дебольскій, Дух. и догов. грамоты моск. князей II, с. 25; Зап. русск. оуд. Импер. Русск. Археологич. Общ. т. I, 1902. Что Ополье принадлежало къ стародубскимъ владѣніямъ, видно хотя бы изъ того, что и въ XV и XVI вв. князья Стародубскіе владѣли здѣсь вотчинами: см. С. Рождественскій, Служ. Землевлдѣніе, с. 179.

следовательно, наш князь Оедоръ Андреевичъ Польскій - Суздальскій не можетъ быть узнавъ въ соименномъ князѣ Стародубскомъ, извѣстномъ по родословцамъ.—Чимъ сыномъ могъ быть князь Оедоръ Андреевичъ Польскій? По всей вѣроятности, сыномъ великаго князя суздальскаго-нижегородскаго Андрея Константиновича, умершаго въ 1365 г. По родословнымъ Андрей Константиновичъ умеръ бездѣтнымъ, хотя былъ женатъ (на Анастаси Кіасовской). Но въ родословныхъ замѣчено не мало подобныхъ пробѣловъ и ошибокъ ¹⁾.

Изъ нашей грамоты видно, что великій князь Дмитрій Константиновичъ, братъ этого Андрея, около 1368 г. былъ только княземъ нижегородскимъ, но не суздальскимъ. А теперь оказывается, что онъ черезъ своего племянника Оедора Андреевича Польскаго, сидѣвшаго въ его думѣ, владѣлъ по крайней мѣрѣ частью Суздальскаго княжества, волостью Польской. Въ этомъ нѣтъ никакого разпорѣчія. Извѣстно, что великіе князья въ это время, лишаясь стольнаго города и связанной съ нимъ великокняжеской власти, часто сохраняли за собою волости и вотчины въ утерянномъ княженіи.

Другихъ князей нашей грамоты: 1) Ивана Васильевича Городецкаго, 2) Петра Ивановича Березопольскаго и 3) Дмитрія Оедоровича Курмышскаго совершенно нельзя найти въ родословныхъ, хотя въ это время, во второй половинѣ XIV вѣка, число князей было еще сравнительно не велико и родословныя даютъ о нихъ довольно точныя свѣдѣнія, въ сравненіи съ временемъ позднѣйшимъ ²⁾. И несомнѣнно, что эти три князя не были близкими родичами мѣстнаго нижегородскаго великаго князя, хотя они владѣли всѣми тремя главными волостями княжества (Городецъ, Березополье, Курмышъ). Получается очень странная картина для насъ, привыкшихъ къ междукняжескимъ отношеніямъ того времени. Во всѣхъ другихъ княжествахъ мелкими удѣлами владѣютъ

¹⁾ Объ Андрѣ Константиновичѣ см. Экземплярскій, т. II, с. 407 и пред.

²⁾ У вел. кн. Дмитрія Константиновича былъ внукъ Иванъ Васильевичъ (сынъ Василія Кирдяны); но такъ какъ Дмитрій Константиновичъ род. въ 1322 г., то внуку его въ годъ написанія грамоты не могло быть болѣе 12 лѣтъ. Другой князь Иванъ Васильевичъ, жившій около этого времени (сынъ князя Василія, 1380 г.), княжилъ на Белоозерѣ, въ удѣлахъ Коргопольскомъ и Ухтомскомъ, и едва ли могъ понасть въ Нижній Новгородъ. Князь Дмитрій Оедоровичъ Курмышскій не можетъ быть княземъ Дмитріемъ Галицкимъ, котораго Дмитрій Донской изгналъ изъ Галича въ 1369 г. 1) потому, что, по своему происхожденію, этотъ князь могъ быть Ивановичемъ или Борисовичемъ, но не Оедоровичемъ (Экземплярскій, II, 213), и 2) особенно потому, что бывшій великій князь не могъ бы сидѣть въ нижегородской думѣ на послѣднемъ мѣстѣ.—Особенно страннымъ является третій князь Петръ Ивановичъ, потому что имя Петръ появляется въ княжескихъ родахъ позднѣе, въ XV вѣкѣ.

ближайшіе родичи великаго князя; удѣлы возникаютъ вслѣдствіе постепеннаго наслѣдственнаго дробленія княжества, и ходъ этого дробленія довольно ясенъ. Здѣсь же все великое княжество, нижегородское, раздѣлено, но не между родичами великаго князя, и когда и какъ произошло это дѣленіе—неизвѣстно. Единственный родичъ великаго князя, племянникъ его, Оедоръ Андреевичъ владѣетъ не нижегородской, а суздальской волостью, Подемь.

Далѣе, во всѣхъ другихъ княжествахъ мелкіе удѣльные князья являются князьями-вотчичами, сохраняющими свои земли даже тогда, когда княжество прекращаетъ свое самостоятельное существованіе, переходя подъ власть Москвы. Стародубское княжество исчезаетъ, но мелкіе стародубскіе князья, Пожарскіе, Ромодановскіе, Палецкіе, сохраняютъ свои удѣльныя вотчины до XVI, а нѣкоторые до XVII вѣка, и, даже потерявъ наслѣдственные земли, сохраняютъ родовыя прозванія по именамъ своимъ удѣловъ. Отъ князей же нашей нижегородской грамоты не осталось родовыхъ прозваній: ни дѣдъ, ни въ родословныхъ, ни въ актахъ не находимъ мы князей Курмышскихъ и Березопольскихъ.

Князья нашей грамоты, однако, могли быть кормленщиками, можетъ быть, они были пожалованы землями въ кормленіе «за ихъ выѣздъ». Въ особенности относится это къ князю Ивану Васильевичу Городецкому, сидѣвшему въ Думѣ рядомъ съ тысяцкимъ кн. Д. А. Вольнскимъ. Городецъ въ это время принадлежалъ брату великаго князя Борису Константиновичу. Городъ этотъ данъ былъ ему въ удѣлъ еще при жизни отца (Андрея Константиновича) въ 1356 г. Когда отецъ его умеръ, Борисъ Константиновичъ, въ 1365 г. захватилъ Нижній Новгородъ и уступилъ его своему старшему брату Дмитрію только тогда, когда онъ явился съ московскими и суздальскими полками. Память объ этомъ междоусобіи братьевъ сохранилась въ мѣстной пословицѣ: «Дмитрій да Борисъ за городъ подрались». Братья помирились и Борисъ вынужденъ былъ по прежнему довольствоваться Городецкимъ удѣломъ. По лѣтописи князь Борисъ, въ 1369 г. (около года написанія нашей грамоты) «на Городцѣ постави церковь соборную святого архангела Михаила» (Никон., т. XI, с. 12).—Какъ же согласовать эти извѣстія лѣтописей о княжествѣ въ Городцѣ князѣ Борисѣ Константиновичѣ съ извѣстіемъ нашей грамоты о князѣ Иванѣ Васильевичѣ Городецкомъ? Единственное, кажется, объясненіе въ томъ, что этотъ князь Иванъ Васильевичъ былъ кормленщикомъ въ Городской волости, будучи подвластенъ мѣстному удѣльному князю Борису.

Князья въ думѣ нижегородскаго великаго князя сидѣли на лавкѣ

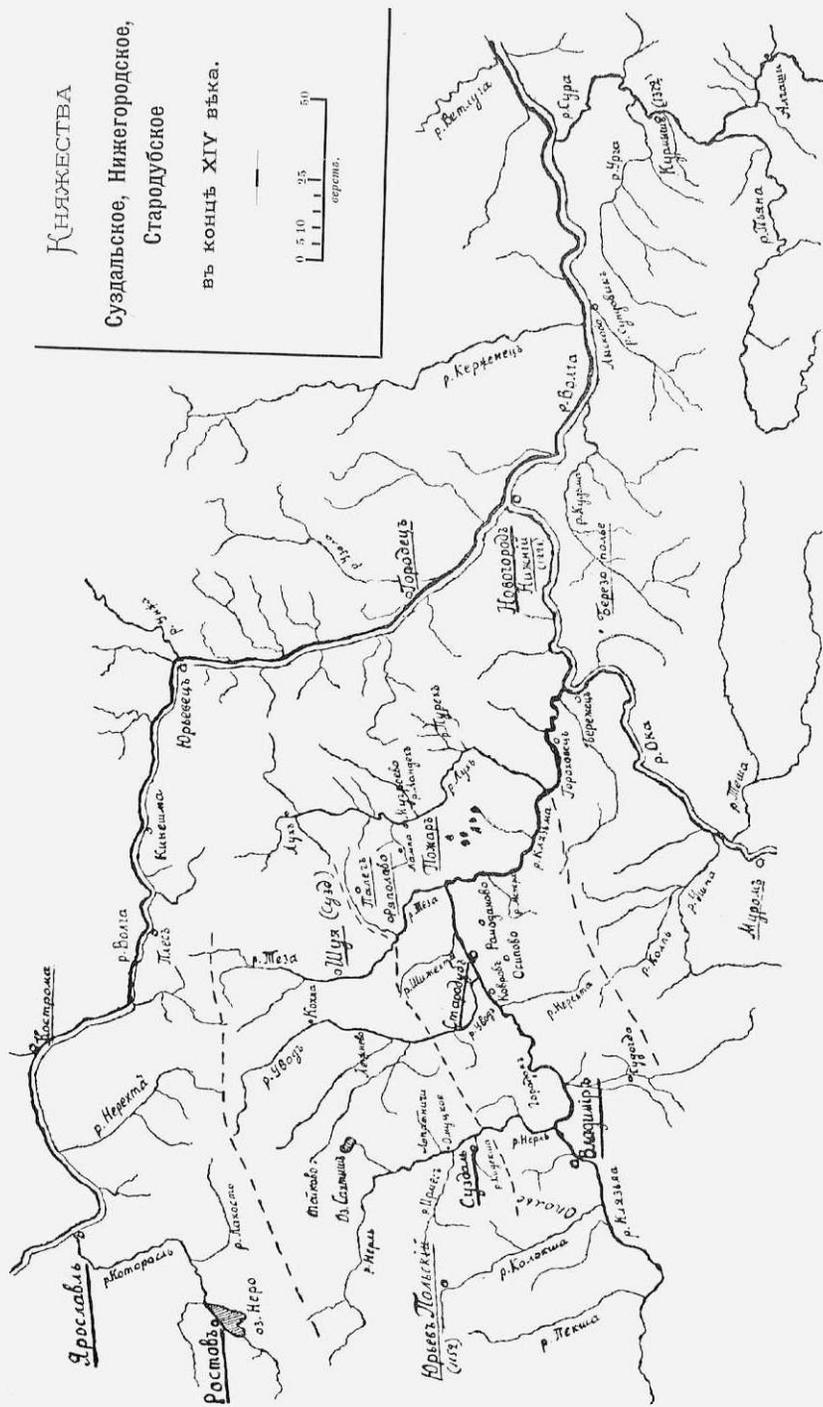
въ слѣдующемъ порядкѣ: на первомъ мѣстѣ отъ великаго князя сидѣлъ тысяцкій, князь Волынской, затѣмъ подъ рядъ князя Городецкій, Польскій, Березнольскій и Курмышскій. Они занимали мѣста въ порядкѣ значительности ихъ владѣній. Городецъ, какъ старѣйшій и богатѣйшій городъ въ княжествѣ послѣ Нижняго Новгорода — на первомъ мѣстѣ; за нимъ Поле—волость стараго богатаго суздальскаго княженія, затѣмъ Березнополе—волость на р. Кудьмѣ, близъ стольнаго города, Нижняго Новгорода, и въ концѣ волость Курмышъ по р.р. Курмышу и Сурѣ, на окраинѣ княжества, которая получила большее значеніе лишь позднѣе, когда на Курмышѣ въ 1372 г. построенъ былъ городъ (см. карту).

Противъ пяти князей, сидѣвшихъ «въ лавгѣ», особо сидѣли «въ скамьѣ» три боярина не княжескаго рода. На первомъ мѣстѣ въ скамьѣ сидѣлъ Дмитрій Ивановичъ Лобановъ, не имѣющій ничего общаго съ позднѣе явившимися князьями Лобановыми-Ростовскими. Затѣмъ два брата Новосильцовы, гости, пожалованные въ бояре.

Тысяцкій, князь Дмитрій Алибуртовичъ Волынской, былъ, какъ предполагаетъ В. О. Ключевскій, сыномъ князя волыскаго, литовца Любарта; по родословнымъ этотъ Любартъ былъ седьмымъ сыномъ Гедимина, и князь Волыни, за немѣнѣемъ собственныхъ сыновей, взялъ его «къ дочкѣ своей на свое мѣсто на княженіе». «Старшій сынъ Любарта (упоминаемый въ родословныхъ Федоръ) княжилъ послѣ отца на Волыни,—говоритъ Ключевскій,—а младшій тревожными судьбами того времени занесенъ былъ на берега Волги и служилъ нижегородскимъ тысяцкимъ»¹⁾.

Такъ какъ другихъ князей Волынскихъ, кромѣ сыновей Любарта, въ это время не было, то князь Волыскій, Дмитрій Алибуртовичъ (Любартовичъ), нашей грамоты можетъ быть тождественъ съ княземъ Волынскимъ, Дмитріемъ Михайловичемъ, известнымъ героемъ Куликовской битвы и зятемъ великаго князя Дмитрія Донскаго. Имена у нихъ одинаковы, различны отчества. Но непривычное для сѣверной Руси отчество «Алибуртовичъ» могло быть замѣнено другимъ, когда прѣзжкій князь нѣсколько обрусѣлъ. Примѣры такого обрусѣнія известны и въ недавняго прошлаго: такъ, напримѣръ, николаевскій канцлеръ графъ Нессельродъ, сынъ графа Вильгельма, звался официально Карломъ Васильевичемъ. Извѣстіе нашей грамоты о службѣ князя Волыскаго ты-

¹⁾ Временникъ, кн. X, с. 84. — Любартъ звался Дмитріемъ-Любартомъ княземъ Владимірекимъ: Р. Истор. Вибл. VI, прилож. № 6. См. «Боярская Дума», изд. 3, с. 539—540. Отъ Федора Любартовича „пошли Салютковскіе князи, да Карбинскіе князи“: Бархатная книга, I, с. 50.

сянкимъ въ Нижнемъ Новгородѣ вполне согласуется съ извѣстіями лѣтописей о службѣ князя Волинскаго въ Москвѣ. Нижегородскимъ тысяцкимъ онъ служилъ въ 1368 г. или около этого года, когда написана наша грамота. Извѣстія же о службѣ князя Волинскаго московскому великому князю начинаются съ декабря 1371 года. Въ промежутокъ между 1368 и 1371 г.г. онъ могъ перейти отъ нижегородскаго князя къ московскому; въ то время не только выѣзжіе, но и мѣстные князья и бояре перѣдко отказывались отъ одного князя и приказывались другому. Московскій великій князь могъ привлечь его къ себѣ на службу потому, что онъ не только, какъ выразился Карамзинъ, «усердствовалъ отличаясь подвигами мужества», но и обладалъ талантомъ для такихъ «подвиговъ мужества». Всѣ походы, въ которыхъ онъ участвовалъ, какъ московскій воевода,—походъ на Рязань въ 1371 г., на болгаръ въ 1376 г. и на Литву въ 1379 г.—были весьма успѣшны¹⁾, не говоря объ искусномъ ударѣ на татаръ изъ засады, рѣшившемъ успѣхъ русскихъ въ Куликовской битвѣ.

Разсмотрѣнныя выше имена и титулы великаго князя, архіепископа, архимандрита, князей и бояръ не обнаруживаютъ ни одной явной несообразности. Наиболее странные. титулы князей: Березопольскій и Курмышскій, также допускаютъ извѣстное объясненіе. Порядокъ мѣсть князей вполне соответствуетъ значительности ихъ владѣній; бояре сидятъ отдѣльно на скамьѣ, противъ князей, сидищихъ на лавкѣ; и этотъ порядокъ мѣсть скрытъ, какъ въ шарадѣ, въ указаніяхъ грамоты, «кто подъ кѣмъ сидитъ», очень запутанныхъ и неясныхъ при чтеніи. Главная формула пожалованія вполне соответствуетъ грамотамъ XIV вѣка: «пожаловалъ есмь бояръ своихъ и князей, далъ имъ мѣстную грамоту, по ихъ челобитью и по печалованью... отца своего духовнаго и по благословенію владычю»²⁾. Не возбуждаютъ сомнѣній сами по себѣ и, не встрѣчаемая въ другихъ грамотахъ, выраженія: «Кому съ кѣмъ сидѣть и кому подъ кѣмъ сидѣть. Великъ садитисъ отъ своего мѣста тысяцкому своему Дмитрію... а подъ Дмитріемъ садитисъ»³⁾.

¹⁾ А. Экземлярскій, т. I, с. 103, 109, 111.—Н. Карамзинъ, кн. II, т. V, с. 24, прим. къ т. V, № 29 и др. Собр. гос. гр. и дог., I, № 31 (1371).

²⁾ Сравни: „Пожаловалъ есмь архимарита... далъ въ домъ“ (А. А. Э. I, № 12, 1393); „Пожаловалъ есмь бояръ своихъ“ (тоже, № 13, около 1398 г.); „По благословенію отца нашего митрополита“ (Догов. грамоты); „Отецъ мой духовный“ (Дух. ок. 1350 г.; А. Юрид., № 409, V).

³⁾ Сравни иныя выраженія XVI вѣка: „какъ доведется кому съ кѣмъ по тому цету сидѣти“; „былъ челоуъ государю... въ счетъ о мѣстѣхъ“; „а то ему не въ мѣсто“; „совмѣстная грамота“: Русск. Истор. Сборникъ, т. II, V.

Во всемъ этомъ трудно заподозрить поддѣлку, позднѣйшій вымыселъ. Въ грамотѣ нашей несомнѣнно есть подлинная древняя основа; въ ней несомнѣнно есть даншия, которыя кажутся на первый взглядъ странными лишь потому, что свѣдѣнія наши объ удѣльномъ времени очень ограничены.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ признать, что въ нашей грамотѣ есть и мѣста весьма сомнительныя, что она, если въ цѣломъ и не вымышленна, то, вѣроятно, была интерполирована.

Сомнительнымъ представляется вставочное замѣчаніе о казначей бояринѣ Тарасѣ Петровичѣ Новосильцовѣ: «а пожаловалъ его боярствомъ за то, что онъ окупилъ изъ полопу государя своего дважды, великаго князя Дмитрія Константиновича, а въ третье окупилъ великую княгиню Марю». Особенно лишними кажутся подчеркнутыя мною слова, а вся вставка какъ-то странно схожа со слѣдующей замѣткой Нижегородскаго лѣтописца о богатомъ гостѣ «Тарасѣ Петровѣ сынѣ» (подъ 1371 годомъ)¹⁾:

„Въ то же время въ Нижнемъ Новгородѣ былъ гость Тарасъ Петровъ сынъ; больше его изъ гостей не было; откупилъ онъ полопу множество великихъ чиновъ людей своею казною, и купилъ онъ себѣ вотчины у великаго князя за Кудьмою рѣкою на рѣкѣхъ на Сундовакѣ [р. Сундовикъ, см. карту] шесть селъ: Садовъ, въ немъ церковь Бориса и Глѣба, да Риховское, Запрудное, Заяничково, да Мухарни; а какъ запуеться отъ татаръ тотъ уѣздъ, тогда и гость съѣхалъ изъ Нижняго къ Москвѣ“²⁾.

Весьма сомнителенъ также, по замѣчанію Н. П. Лихачева³⁾, титулъ великаго князя съ формальной стороны: «князь великій Дмитрей Костянтиновичъ Нижняго Новаграда и Городецкой и Курмышской». Въ грамотахъ XIV и XV вѣка владѣнія великихъ князей въ титулахъ ихъ никогда не перечисляются; иногда встрѣчается титулъ «князь великій Иванъ Дашлювичъ всея Руси»; обыкновенно же писали просто «князь великій» и его имя и отчество⁴⁾.

¹⁾ На это въ засѣданіи Археологическаго Общества, когда я читалъ рефератъ о разсматриваемой грамотѣ, обратилъ въ особенности мое вниманіе С. Θ. Платоновъ.

²⁾ Кратчайшія о Н. Новгородѣ извѣстія: Др. Росс. Вивл., ч. XVIII, с. 78. Тоже, съ мелкими разночтеніями въ другихъ спискахъ мѣстной лѣтописи: А. Гацискій, Нижегородскій лѣтописецъ, 1886, с. 16.

³⁾ Изложенныя замѣчанія высказаны были Н. П. Лихачевымъ въ засѣданіи Археологич. Общества. Въ печати на сомнительность мѣстной грамоты онъ обратилъ вниманіе въ статьѣ: „Государевъ родословецъ и родъ Адашевыхъ“, Лѣтоп. зап. Арх. Ком., вып. XI, с. 102, прим.

⁴⁾ Тоже въ грамотѣ Нижегородскаго князя: „се язъ князь великій Борисъ Костянтиновичъ пожаловалъ“: А. А. Э., I, № 12, 1393 г., и № 18, 1410—1417.—Въ титулахъ архіепископовъ, однако, рано встрѣчается перечисленіе кафедръ: „Се язъ архіепископъ Феодосей Ростовскыи и Ярославскыи и Бѣлозерскыи“ 1453 г.: А. А. Э., I, № 54.

Странно съ формальной стороны, по замѣчанію Н. П. Лихачева, и упоминаніе дьяка съ отчествомъ: «а мѣстную грамоту писалъ великого князя дьякъ Петръ Давыдовъ сынъ Русинъ». Такъ подписывались дьяки въ позднѣйшее время, а въ XIV—XV вѣкахъ они писали проще: «а грамоту писалъ Нестерко» (1356), «а писалъ Влукъ» (1389), «а грамоту писалъ Мецериъ» (1410), «а грамоту писалъ мой дьякъ Тимофей Ачкасовъ» (1423) ¹⁾.

Нѣсколько неожиданнымъ для XIV вѣка является и рукоприкладство архимандрита и боярь, о которомъ переписчикъ замѣтилъ: «А позади мѣстныя грамоты семь рукъ приложены. Къ сей грамотѣ архимандритъ Печерской Иона руку приложилъ. Да боярскіе руки». Грамоты въ это время скрѣплялись помѣтой одного лица, боярина, на оборотѣ ²⁾. Для мѣстнической грамоты, однако, легко допустить отступленіе отъ этого обыкновенія; установивъ столь важный для боярь мѣстническій распорядокъ, великій князь естественно могъ предложить всѣмъ боярамъ закрѣпить соглашеніе своими подписями.

Указанія на печать, приложенную или привѣшенную къ грамотѣ, нѣтъ. И это даетъ прочный признакъ, что наша копія снята была не съ подлинника. Въ древнѣйшее время даже частныя грамоты, не только великокняжескія, скрѣплялись печатью, которая иногда прикладывалась, а чаще привѣшивалась на шнуры.

Въ спискѣ нашей грамоты есть двѣ крупныя ошибки, объясняемая недосмотромъ переписчика: 1) Въ немъ пропущены въ началѣ слова «Се язъ», необходимыя слова твердо установленной формулы пожалованія, встрѣчаемая во всѣхъ великокняжескихъ и княжескихъ грамотахъ. Переписчикъ XVIII вѣка, можетъ быть, пропустилъ эти слова, не разобравъ ихъ, потому что въ грамотѣ, которую онъ копировалъ, они были написаны крупною вязью (какъ ихъ писали въ XVII вѣкѣ, но не въ XIV).

2) Ошибочно указана дата грамоты «лѣта 6806-го», или 1298 года. Великій князь Дмитрій Константиновичъ, давшій мѣстную грамоту, княжилъ гораздо позже, съ 1365 года. Судя по имени епископа, какъ указано выше, грамота была написана между 1365 и 1374 г.г. Ошибка въ датѣ произошла, повидному, вследствие опечатки: *szwos* вмѣсто *szwos*, т. е. 6806 вмѣсто 6876 или 1368 годъ. Если это такъ, то наша грамота относится къ тому же году, 1368-му, когда на-

¹⁾ Собр. Госуд. Грам. и Догов., I, с. 41, 62, 79, 82.

²⁾ См. Н. П. Лихачевъ, Отвѣтъ еуровому критику, М. 1890 г., с. 25.

писана была и другая мѣстная нижегородская грамота изъ Мазуринскаго собранія.

Приписка, (пропущенная Соловьевымъ), точно указываетъ, когда списана была наша копія съ грамоты, а именно въ 1721 году: «Итого сей грамотѣ по нынѣшней отъ созданія мира 7229 годъ, отъ рожества же Бога слова 1721 годъ, — 423 лѣта». Въ этомъ счетѣ лѣтъ, прошедшихъ отъ времени составленія списка до года снятія копіи, переписчикъ основывался на ошибочно прочтенной имъ датѣ подлинника: 6806—1298 годъ (1721—1298=423).

Последнія двѣ приписки о времени основанія Нижняго Новгорода и сооруженія въ немъ каменной стѣны сами по себѣ не имѣютъ значенія, но даютъ возможность опредѣлить, откуда они заимствованы переписчикомъ. По лучшимъ лѣтописямъ (Лаврентьевской, Воскресенской, Никоновской) Нижний Новгородъ основанъ былъ въ 1221 г. Переписчикъ же грамоты указываетъ 1212 годъ, встрѣчаемый въ спискахъ нижегородскаго лѣтописца. Точно также въ припискѣ сказано, что «каменный городъ заложенъ бысть вел. княземъ Борисомъ Константиновичемъ въ лѣто 6873» (1365). Къ тому же 1365 г. отнесено начало постройки этихъ каменныхъ укрѣпленій въ Макарьевскомъ спискѣ нижегородскаго лѣтописца ¹⁾.

Эти элементарныя поясненія въ припискахъ, лѣтописные источники которыхъ мы легко узнаемъ, показываютъ, что грамота была написана не тѣмъ лицомъ, которое снимало съ нея копію въ 1721 году. Для этого времени вообще трудно допустить тонкую поддѣлку грамоты. Поддѣлки начала XVIII вѣка очень неискусны, въ родѣ того сказанія о Куликовской битвѣ, которое, какъ я расскажу ниже, было составлено для А. П. Волынскаго.

Грамота могла быть поддѣлана въ XVII вѣкѣ и раньше. Отъ второй половины XVII вѣка извѣстно нѣсколько подложныхъ грамотъ, возникшихъ въ связи съ составленіемъ вымышленныхъ родословныхъ росписей. Д. Θ. Кобко выяснилъ недостоверность грамоты 1469 г., данной боярину Я. Г. Рюмъ-Бестужево ²⁾. Н. П. Лихачевъ доказалъ подложность жалованной грамоты 1506 г. А. Θ. Вѣдову; межевой грамоты 1512 г. съ упоминаніемъ о бояринѣ Я. К. Головкинѣ; грамоты, яко бы

¹⁾ А. Гаццескій, о. с., с. 12: „подъ городовую стѣну и башни повелѣлъ оной князь ровъ копати“. По списку же Археогр. Комисіи, копанье рва, „гдѣ бытъ каменной городской стѣны и башнямъ“, относится къ 6878 (1370) г. По Никои. лѣтоп. Новгородъ Нижній заложенъ „камень“ въ 1372 г.

²⁾ О разработкѣ генеалогическихъ данныхъ въ смыслѣ пособія для русской археологіи: Зап. П. Р. Арх. Общ., т. II, с. 271, и Дополнит. замѣтки, тамъ же, т. III с. 194, т. IV, с. 75.

данной родоначальнику Измайловых Ивану Шанину в 1257 г. и заповедной еще Карамзинным, и других ¹⁾). Недавно С. О. Платонов выяснил интерполяцию рѣчей Иоанна Грознаго в Стенной книгѣ ²⁾

Подложныя грамоты, конечно, составлялись и раньше XVII вѣка. Теромонахъ Арсеній, доказавшій подложность жалованной грамоты Дмитрія Донского «святому» Сергію, привелъ вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельство, что грамота эта была написана до начала XVII вѣка. Еще в 1621 г. при разборѣ архива Троицко-Сергіевой лавры «жалованныя грамоты в. кн. Дмитрея Донского» «по книгамъ не смысли». В XVI вѣкѣ поддѣлана была и другая Троицкая грамота: «данье въ Сергіевъ монастырь» ³⁾.

В мѣстническомъ дѣлѣ 1576 г. находимъ любопытныя разсужденія о подложности жалованной грамоты, представленной суду Василиемъ Зюзинымъ, въ доказательство своихъ правъ на мѣстническое старшинство. Зюзинъ представилъ списокъ съ жалованной грамоты тверского великаго князя боярину Ооонасыю Шетневу. Отвѣтчикъ Оедоръ Нагой, выслушавъ эту грамоту, выразилъ сомнѣніе въ ея подлинности, сказавъ: «та де и грамота кабы приставная, а не жалованная». При этомъ онъ обратилъ вниманіе на слѣдующія слова въ ней: «что де у него земли, на нашей отчинѣ въ великомъ княженьѣ, во Тверской землѣ, и ожъ будетъ такъ»; Нагой замѣтилъ объ этихъ словахъ, что грамота «писана съ ожемъ; а грамоты жалованныя даются бояромъ безъ ожа», т.-е. что, давая жалованныя грамоты на боярскія вотчины, князья знали эти вотчины и не выражали сомнѣнія въ ихъ существованіи («ожъ будетъ такъ»), какъ они дѣлали иногда, давая грамоты на отдаленныя земли мало извѣстныхъ имъ лицъ. Другое сомнительное мѣсто грамоты,—по объясненію О. Нагого,—то, что въ ней пожалованный, Ооонасій Шетневъ именуется бояриномъ, а между тѣмъ написанъ безъ «вича», т.-е. безъ отчества ⁴⁾: «да въ той же грамотѣ Ооонасыю и вича нѣ, а написанъ Ооонасіей бояриномъ» ⁵⁾.

¹⁾ Разрядные дѣянія XVI вѣка, с. 357, 432—433. — Родоприсхожденіе Головкиныхъ, 1903, с. 48—51.

²⁾ Статьи по русской исторіи, 1903, с. 223. — Интерполіяція эта косвенно связана съ именемъ конфидента Вольнскаго, А. Ф. Хруцова, такъ какъ ему именно принадлежитъ тотъ списокъ Стенной книги, въ который вошли были листокъ съ рѣчами Грознаго; но интерполіяція произведена была не Хруцовымъ, а раньше, въ XVII вѣкѣ.

³⁾ Тер. Арсеній. О вотчинныхъ владѣніяхъ Троицкаго монастыря: Лѣтописецъ зап. Арх. Ком., вып. VII, с. 170—171, 142. — О признакахъ подложности грамоты святому Сергію (А. Ф., I, № 7) см. также Н. Павловъ-Сильванскій, Погрѣшности Актовъ Арх. Эксп.: Лѣтон. занятій Арх. Комиссіи, съ протоколами за 1905 годъ.

⁴⁾ Дѣйствительно, въ списокъ хотя въ началѣ Шетневъ и названъ одинъ разъ «Ооонасыемъ Ивановичемъ», но дальше названъ просто «Ооонасыемъ» (с. 10—11).

⁵⁾ Р. Истор. Сборн., т. V, с. 10—11, 20; П. Ивановъ, Мѣстничество.

О поддѣлкахъ грамотъ въ еще болѣе древнее время, въ XV вѣкѣ, какъ указалъ Н. П. Лихачевъ, свидѣтельствуеъ лѣтопись въ извѣстїи под 1493 г. о томъ, что чудовскаго архимарита, князя Ухтомскаго и Хомутова «били въ торгу клутьемъ», «про то, что здѣлали грамоты на землю», яко бы пожалованную Вологодскимъ княземъ Спасо-Каменному монастырю ¹⁾.

Въ числѣ указанныхъ выше поддѣльныхъ грамотъ есть грамоты, завѣдомо подложныя, сплошь вымышленныя и при томъ очень неумѣло, безъ соблюденія соответствующей формы акта. Такова «данье великаго князя Дмитрея Ивановича Донского въ Сергіевъ монастырь» 1393 г. (Дмитрій Донской умеръ раньше въ 1389 г., и самъ себя не могъ именовать «Донскимъ»); такова и жалованная грамота святому Сергію (Сергія при жизни его не могли называть въ актѣ «святымъ»). Эти грамоты наполнены грубыми, точно выясняемыми, ошибками.

Но болѣею частью грамоты не вымышлялись, а интерполировались вставками фразъ и словъ; такъ, напримѣръ, въ жалованной грамотѣ Ооонасыю Шетневу, какъ доказывали еще въ XVI вѣкѣ, вставлено, повидимому, слово «боярину». Если вставки не ограничивались двумя-тремя словами, то онѣ обыкновенно заключаютъ въ себѣ тѣ или другія явныя несообразности, какъ, напримѣръ, въ межевой грамотѣ 1512 г. (!) фраза: «и по ихъ прошенію я, князь Юрьи Ивановичъ, велѣлъ ближнему и вѣрному своему боярину Яну Кучокомовичю Головкину» ²⁾.

Наша мѣстная грамота, подобно этимъ грамотамъ, повидимому, не была вымышленна цѣлкомъ, а лишь интерполирована. Грубыхъ несообразностей въ ней, какъ показано выше, нѣтъ. Некуствомъ поддѣлки она отличается отъ многихъ другихъ «воровскихъ, составныхъ», или «парядныхъ» грамотъ древняго времени.

Списокъ съ грамоты, воспроизводимый здѣсь цинкографически, съ уменьшеніемъ въ два съ половиною раза, написанъ на большомъ листѣ бумаги, крупнымъ полууставнымъ почеркомъ, въ подражаніе старинному, съ красными заглавными буквами. Хранится онъ въ дѣлѣ Государственнаго архива VI разряда № 276, л. 308, въ папкѣ писемъ и бумагъ А. П. Вольнскаго, которая была отобрана слѣдственной комиссіей

¹⁾ Н. Лихачевъ, Разрядные дѣянія, с. 429, примѣчаніе. Лѣтописецъ русскій, изд. Н. Львова, 1792.

²⁾ Н. П. Лихачевъ, Родоприсхожденіе Головкиныхъ, 1903, с. 48.

1740 г.; на этих письмах места, обратившія вниманіе комиссіи, отчеркнуты краснымъ карандашомъ ¹⁾).

Копія снята была для Волынскаго, конечно, потому, что въ грамотѣ упоминается его предокъ Дмитрій Алибуртовичъ, князь Волынской. Честолюбивый кабинетъ-министръ очень интересовался своими предками-князьями и особенно участникомъ Куликовской битвы 1380 г. и зятемъ великаго князя Дмитрія Донскаго, княземъ Д. М. Волынскимъ.

Гдѣ хранился оригиналъ мѣстной грамоты, неизвѣстно. Изъ бумагъ Волынскаго видно только, что черезъ девять лѣтъ послѣ того, какъ снята была копія съ этой грамоты, а именно въ 1730 г., совѣтникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ П. В. Курбатовъ ²⁾ доставилъ ему по его просьбѣ изъ Московскаго архива коллегіи «государственный гербовникъ», писанный «на холстинѣ». Пересылая этотъ гербовникъ изъ Москвы къ Волынскому, его довѣренный человекъ (Остайковъ) писалъ ему въ іюлѣ 1730 г. «изволилъ мнѣ приказать Петръ Васильевичъ (Курбатовъ) къ вашему превосходительству отнестись, ежели какія курьезныя вещи подобны, чтобъ вы изволили къ нему писать; а у себя, сказали, всякихъ книгъ много, и обѣщаль вашему превосходительству въ томъ служить» ³⁾).

Особенно заинтересовался А. П. Волынской своею родословной, когда послѣ долгаго губернаторства въ Астрахани и Казани, началъ преуспѣвать въ придворной службѣ, и въ 1734 г. назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ императрицы Анны, затѣмъ, 27 января 1736 г., оберъ-егермейстеромъ и наконецъ, 3 апрѣля 1738 г., кабинетъ-министромъ. Въ это время, въ 1737 г. составлено было для него баснословное обширное сказаніе о пріѣздѣ въ Москву и объ участіи въ Куликовской битвѣ Дмитрія Волынскаго. «Transmigratio principis Wolhynensis Demetrii filii Ioannis principis Ostrogiensis in Moscoviensem principatum, ...ex annalibus moscoviticis deducta». Въ этомъ сказаніи пріѣздъ Дмитрія, сына князя Ивана Острожскаго въ Москву неправильно приурочивается къ Куликовской битвѣ; Дмитрій, будто бы, съ войскомъ, набраннымъ острожскимъ княземъ, прибылъ на р. Непрядву, прямо къ

¹⁾ Дѣло названо: „Частная переписка Волынскаго съ родными, знакомыми и подчиненными, а также разныя домашнія бумаги его“, VI, № 276.

²⁾ Петръ Васильевичъ Курбатовъ въ февралѣ 1716 г. былъ секретаремъ полевой канцеляріи, въ 1725 ассесоромъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, 19 іюня 1727 г. назначенъ былъ совѣтникомъ этой коллегіи и въ 1740 г. состоялъ членомъ ея, статскимъ совѣтникомъ. Умеръ 16 октября 1747 г.—П. Барановъ, Описъ Высоч. указамъ и повел., хранящихся въ архивѣ Сената, т. I и II.

³⁾ Письмо Бориса Остайкова изъ Москвы, 20 іюля 1730 г.: Госуд. арх., VI, № 276, ч. II, л. л. 309—310.

началу сраженія ¹⁾). Между тѣмъ, по лѣтописямъ, какъ указано выше, князь Д. Волынской служилъ московскому князю съ 1371 года.—Также какъ лѣтописи, сказаніе приписываетъ Д. Волынскому всю честь побѣды: онъ «чрезъ своего генерала распорядилъ все московское войско» (130.000), затѣмъ къ концу баталіи вывелъ во время «въ лѣсахъ утаенное аукцилярное войско» и рѣшилъ этимъ успѣхъ русскихъ. Но составитель сказанія счелъ это недостаточнымъ для славы Дмитрія Волынскаго и его потомка; вопреки лѣтописямъ, онъ продлилъ битву на второй день, и заставилъ раненаго великаго князя во второй, рѣшительный день сраженія ввѣрить Д. Волынскому команду надъ всѣмъ войскомъ. Затѣмъ, съ цѣлью объяснить утрату родомъ Волынскихъ княжескаго титула, авторъ сказанія подробно повѣствуетъ, какъ Дмитрій Волынской, которому все «приписывали всецѣло славную викторію надъ татарскимъ ханомъ», породнился съ великимъ княземъ чрезъ бракъ съ его дочерью Анною, приобрѣлъ всеобщую любовь народа, какъ великій князь Дмитрій Иоанновичъ, по навѣтамъ придворныхъ, началъ опасаться, чтобы его зять не захватилъ престола, и какъ Волынской разсѣялъ все его опасенія, великодушно отказавшись отъ княжескаго титула ²⁾).

Доставъ съ Куликова поля древнюю саблю, А. П. Волынской составилъ слѣдующій текстъ надписи, которую хотѣлъ вырѣзать на клинѣ ея или на ножнахъ: «Найдена сія сабельная полоса въ степи, изъ земли выкопана въ урочищѣ на Куликовскомъ полѣ близъ рѣки Непрядвы, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 6887 году, а отъ Рождества Христова въ 1379 году была баталія съ многочисленными татарскими войсками, бывшими съ ханомъ Мамаемъ, во время государствующаго тогда въ Россіи благовѣрнаго государя и великаго князя Дмитрія Иоанновича Московскаго и всея Россіи. На которой баталіи российскимъ воинствомъ самъ великій князь командовалъ, съ нимъ же и помощные ему были войски: литовскіе и прочіе, подъ приводомъ благовѣрнаго князя Дмитрія Михайловича Волынскаго ³⁾), за котораго потомъ великій князь Дмитрій москов-

¹⁾ Въ родословныхъ XVII вѣка выѣздъ князя Д. М. Волынскаго также приурочивается къ 1380 г.: см. выписка изъ росписи 1688 г. іюня 1, въ архивѣ Департ. герольдіи: дѣло № 482, 1798 г.

²⁾ Латинское сказаніе и современный русскій переводъ въ Госуд. арх., дѣло VI, № 278. Въ переводѣ Волынской называется Волынскимъ—Wolhynensis. Время написанія опредѣляется послѣдними словами: „и того рода живой свидѣтель г. Артемій Волынской ...оберъ-егермейстеръ, генералъ-лейтенантъ, посланный на конгрессъ въ Немировъ“ (т. е. 1737 г.).

³⁾ Артемій Петровичъ не слѣдовалъ тутъ изложенному выше сказанію и не приписалъ князю Дмитрію Волынскому главнаго командованія надъ всѣмъ московскимъ войскомъ.

скій отдавъ въ супружество сестру свою родную, благовѣрную княжну Анну Иоанновну» ¹⁾).

О доблестномъ подвигѣ своего предка А. П. Волынской упомянуть и въ краткомъ историческомъ введеніи къ своему «Генеральному разсужденію о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ». Судьи Волынскаго въ 1740 году поставили ему въ вину, что онъ въ этомъ введеніи, «исторіи о великихъ государяхъ российскихъ отъ великаго князя Володимира», «при упоминаніи о вел. князѣ Дмитріи Иоанновичѣ Донскомъ написалъ и о выѣздѣ Дмитріѣ Волынцѣ». Злой умыселъ увидѣли они также и въ томъ, что онъ «великаго государя Иоанна Васильевича написалъ тираномъ», о царяхъ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, Иоаннѣ Алексѣевичѣ, о императрицѣ Екатеринѣ I и о Петрѣ II «ни словомъ не упомянулъ, яко бы ихъ величества никогда не государствовали; а о дѣлахъ государя императора Петра Великаго и нынѣ благополучно царствующей государыни императрицы (Анны Иоанновны), хотя упоминалъ, но кратко, съ неудовольствіемъ» ²⁾).

Наконецъ, по указаніямъ кабинетъ-министра, конфидентъ его Петръ Еропкинъ нарисовалъ чертежъ родословнаго дерева, съ изображеніемъ вверху князя Д. Волынскаго и великой княжны Анны. По показанію другого его конфидента, Андрея Хруцова, «оную картину хотѣлъ онъ, Волынской, въ чужихъ краяхъ напечатать и разослать въ Россіи и въ другія государства, дабы знали въ народѣ, что онъ близокъ свойствомъ къ императорской фамилии, и что у него ума столько есть, чтобъ самому государствомъ править». Картина эта въ «Изображеніи о государственныхъ безбожныхъ тяжкихъ преступленіяхъ и злодѣйственныхъ воровскихъ замыслахъ Артемья Волынскаго и сообщниковъ его» описана такъ:

„Онъ, Волынской, написалъ о родѣ своемъ одну картину, которую ему нарисовалъ на бумагѣ Петръ Еропкинъ, а на оной картинѣ написалъ одно древо съ вѣтвями, а въ низу того древа переоны вышепомянутыхъ Дмитрія Волынца и великой княжны Анны. И для тонкости породы ихъ написалъ того Волынца подъ польскимъ верхнимъ платьемъ въ латахъ, и шапка съ перомъ, а въ рукѣ палку, въ знакъ воинскаго полководца. А великую княжну написалъ въ рускомъ платьѣ, и при ней младенца съ крыльями, держащаго въ одной

¹⁾ Надпись крупными буквами на длинной полосѣ бумаги, внутри чертежа сабли въ натуральную величину: Госуд. арх., д. VI, № 211, ч. I.

²⁾ Гос. арх., д. VI, № 208. Изображеніе о преступленіяхъ Волынскаго, п. 15.— „Генеральное разсужденіе“, какъ извѣстно, не сохранилось.—Въ прошломъ году, при разборѣ дѣлъ Тайной Канцеляріи въ Государственномъ архивѣ найдено довольно много новыхъ бумагъ Волынскаго по управленію его имѣніями и писемъ его къ приказчикамъ, но рукописи этого Генеральнаго разсужденія не нашлось.

рукѣ великаго княжества московскаго корону, а въ другой гербъ великаго жъ княжества московскаго, а выше тѣхъ переонъ на древѣ написалъ щитъ, на которомъ надпись такава: „Князь Дмитрей Михайловичъ Волынской и супруга его благовѣрная и великая княжна московская Анна, отъ которыхъ пошла фамилія Волынскихъ“, и хотѣлъ онъ, Волынской, въ кружкахъ, на ономъ древѣ по вѣтвямъ написанныхъ, всю свою фамилію, и себя, и сына своего написать, а для себя и для сына своего велѣлъ кружки написать, отъ другихъ со отъбѣною, побольше. На другой сторонѣ того древа написалъ педесталь въ проспектъ, а по бокамъ того педестала прикованныхъ на цѣпяхъ двухъ турокъ, а повыше педестала трофей съ арматурою и внутрь того трофея щитъ съ обыкновенною его, Волынскаго, печатью. А сверхъ трофея императорскій гербъ двоголаваго орла, со всеми принадлежащими къ нему клейнотами, противъ кабинетной печати, которую отъ пакета умышленно, какъ самъ онъ Волынской объявилъ, отрѣзалъ для того, чтобъ противъ той печати на картинѣ роду его императорскій гербъ точно былъ нарисованъ. Какъ оный и дѣйствительно на оной картинѣ нарисованъ и написанъ былъ. И онъ, Волынской, объявилъ, что онъ тотъ императорскій гербъ на картинѣ написалъ для того, что онъ по московской великой княжнѣ Аннѣ причитался свойствомъ къ Высочайшей Е. П. В. фамиліи.“ ¹⁾

Всѣмъ этимъ генеалогическимъ розысканіямъ Волынскаго судьи его придали важное политическое значеніе. Его обвинили въ зломъ умыслѣ на царскій престолъ. Друзья его, подъ угрозой пытокъ, поддерживали это обвиненіе, придавая особый смыслъ многимъ его неосторожнымъ рѣчамъ. Андрей Хруцовъ вспомнилъ, какъ Волынской говорилъ, что «у него ума довольно есть, чтобы государствомъ править». Петръ Еропкинъ придалъ подсказанный судьями криминальный смыслъ словамъ Волынскаго: «царица въ монастырѣ, а разстрига растеть въ Литвѣ, същется и царь Василій Шуйскій».

Отвѣтамъ Волынскаго на эти обвиненія (по пункту 11-му) слѣдственная комиссія придавала такое значеніе, что показанія, данныя имъ 16-го мая 1740 г., были переданы императрицѣ въ запечатанномъ конвертѣ. По этому пункту его допрашивали вновь, 20-го мая; онъ разсказалъ, было, испугавшись пытки, что имѣлъ въ виду, какъ Михаилъ Ѳеодоровичъ избранъ былъ на престолъ по свойству съ московскою великою княжною, и расчитывалъ, что подобно этому: «когда фамилія ея императорскаго величества пресѣчется, то де и по его съ московскою же великою княжною Анною свойству могутъ дѣти или внучаты или правнучаты его российскаго престола преемниками быть». Но едва разсказавъ это, Волынской тотчасъ отрекся отъ своихъ словъ, заявивъ, что «показалъ о томъ отъ страха, боясь розыску». Черезъ два дня, 22-го мая, его пытали; онъ винылся во всемъ, но твердо стоялъ на томъ, что «такого злого своего намѣренія

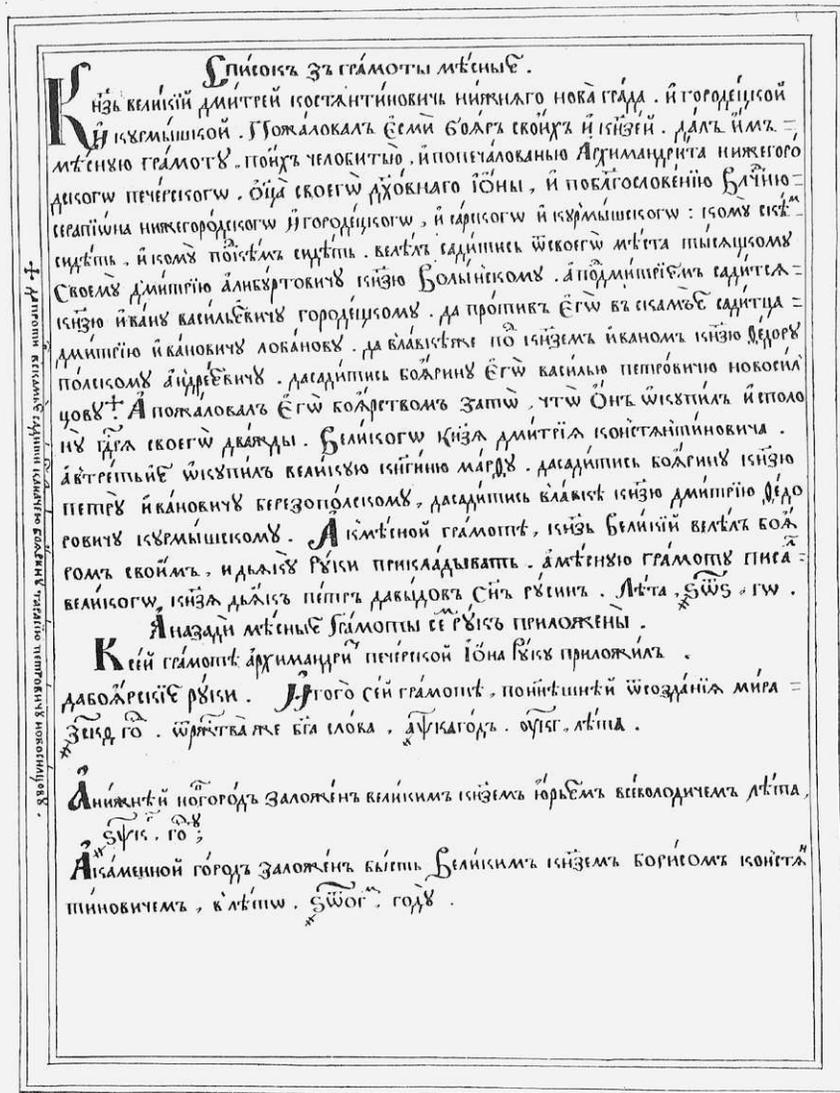
¹⁾ Гос. арх., д. VI, № 208. „Изображеніе“, п. 39 и 40.

и умыслу, чтобъ себя чрезъ что шибудь сдѣлать государемъ никогда оубъ, Волынской, не имѣлъ». Ему сказали, что конфиденты его (Оедоръ Соймоновъ, Андрей Хруцовъ, Петръ Еронкинъ и человекъ его Василій Кубанецъ), «каждый порознь, и всѣ четверо единогласно о такомъ его зломъ намѣреніи и замыслахъ его явно показываютъ». Обвиняемый рѣшительно отрицать эту вину ¹⁾).

Несмотря на это, судьи Волынскаго, на основаніи его генеалогическихъ розысканій, сохранившихъ для насъ рѣдчайшій списокъ грамоты, составили одинъ изъ важныхъ пунктовъ обвинительнаго акта, по которому онъ былъ приговоренъ къ смертной казни.

Н. П. Павловъ-Сильванскій.

Мѣстная грамота нижегородскаго великаго князя Дмитрія Константиновича. 1368 г., или 1365—1374 г.г. По списку А. П. Волынскаго.

¹⁾ Гос. арх., д. VI, № 199. Вопросы, отвѣты и пыточные показанія Арт. Волынскаго съ 15-го апрѣля по 7-е юня 1740 г. У Соловьѣна есть только намекъ на это обвиненіе (кн. IV, с. 1633); очень кратко говорить о немъ и проф. Корсаковъ: „А. П. Волынскій и его конфиденты“: Русск. Стар. 1885 г. т. XLVIII, с. 17—54.

Списокъ зъ грамоты мѣсныѣ.
[Се язъ] Князь великій Дмитрей Константиновичъ Нижегородскаго града и Городенской и Курмышской пожаловалъ есмь бояръ своихъ и

7/8065
князей, да въ мѣсную грамоту, по ихъ челобитью и по печалованью Архимандрита Нижегородскаго Печерскаго, отца своего духовнаго Юны, и по благословенію владычю Серапіона Нижегородскаго и Городецкаго и Сарскаго и Курмышскаго: кому съ кѣмъ сидѣть и кому подъ кѣмъ сидѣть. Велѣлъ садитись отъ своего мѣста тысяцкому своему Дмитрію Алибуртовичу князю Вольнскому, а подъ Дмитріемъ садится князю Ивану Васильевичу Городецкому, да противъ его въ скамье садится Дмитрію Ивановичу Лобанову, да въ лавкѣ же подъ княземъ Иваномъ князю Оедору Полскому Андреевичу, да садитись боярину его Василью Петровичу Новосильцову, да противъ въ скамье садитись казначею боярину Тарасію Петровичу Новосильцову; а пожаловалъ его боярствомъ за то, что онъ окупилъ не полу государя своего дважды, великаго князя Дмитрія Константиновича, а въ третье окупилъ великую княгиню Мароу; да садитись боярину князю Петру Ивановичу Березопольскому, да садитись въ лавкѣ князю Дмитрію Оедоровичу Курмышскому.

А къ мѣсной грамотѣ князь великій велѣлъ бояромъ своимъ и дьяку руки прикладывать. А мѣсную грамоту писать великаго князя дьякъ Петръ Давыдовъ сынъ Русинъ. Лѣта 6806-го (1298?).

А назади мѣсные грамоты семь рукъ приложены. Къ сей грамотѣ архимандритъ Печерской Иона руку приложилъ. Да боярскіе руки.

Итого сей грамотѣ по нынѣшней отъ созданія мира 7229 годъ, отъ Рождества же Бога Слова 1721 годъ, 423 лѣта.

А Нижній Новгородъ заложенъ великимъ княземъ Юрьемъ Всеволодовичемъ лѣта 6720-го году (1212).

А каменной городъ заложенъ бысть великимъ княземъ Борисомъ Константиновичемъ въ лѣто 6873-мъ году (1365).